

Исследователями жанров живой речи двигало и движет стремление разгадать загадку, касающуюся того, как одинаковая по содержанию информация может быть облечена в форму разных жанров, либо в форму одного жанра, но с помощью разных языковых средств, а в последнее время все чаще возникает вопрос о том, в чем специфика реализации того или иного жанра у носителей разных вариантов национального языка, и действительно ли она есть. Подборка статей в настоящем выпуске альманаха содержит ответы на некоторые из неизбежно возникающих в современной речевой жанрологии вопросов.

Традиционно в раздел включается тематическая подборка текстов того или иного жанра. В этом выпуске представлены рассказы о семье, подготовленные к печати Н.В. Лагута.

УДК 82-94(571.63)

О.П. Кормазина

ЖАНР ВОСПОМИНАНИЯ В ЖИВОЙ РЕЧИ ПРИМОРЦЕВ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВАРЬИРОВАНИЯ

Статья посвящена описанию функционирования жанра воспоминания в живой речи приморцев. Рассматривается возможность варьирования исследуемого жанра, обусловленная такими его жанрообразующими признаками, как «образ автора» и «объект воспоминаний». Дается характеристика выделяемых вариаций данного жанра.

Ключевые слова: речевой жанр, рассказ-воспоминание, жанрообразующие параметры, образ автора, образ адресата, объект воспоминания, вариация жанра.

The article is concerned with the genre of “Reminiscence” in the speech of Primorye residents. A possibility of the genre variability due to such genre-forming features as “an image of an author” and “the object of recollection” are considered in the article. A description of possible variations of the genre is presented.

Key words: speech genre, a story-remembrance, genre-forming parameters, an image of an author, an image of an addressee, an object of recollection, genre variability.

По признанию большинства исследователей, одним из ведущих направлений современной антропологической лингвистики остается учение о речевых жанрах. Несмотря на то, что с каждым днем количество работ, посвященных изучению речевых жанров в различных аспектах, неизменно увеличивается, множество вопросов и по сей день остается открытыми. В числе актуальных задач современного жанроведения исследователями называется и «монографическое описание отдельных речевых жанров» [1, с. 8], ранее не подвергавшихся подробному изучению. Целью нашего исследования стало описание возможных вариаций речевого жанра воспоминания. Материалом для наблюдения послужили расшифрованные записи живой речи пожилых жителей Приморского края.

Описание отдельных речевых жанров обычно строится с опорой на определенные жанрообразующие признаки. В настоящее время существуют различные варианты «анкет» речевого жанра, однако основными жанрообразующими параметрами большинство исследователей, вслед за Т.В. Шмелевой, называют коммуникативную цель, образ автора и образ адресата, фактор прошлого и будущего, тип диктумного (событийного) содержания, а также языковое воплощение [2]. В свою очередь О.А. Казакова в качестве еще одного важного компонента модели речевого жанра выделяет тональность как «способ представления текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов» [1, с. 31]. Для создания полной картины исследуемого жанра речи мы поставили целью проведение детального анализа с учетом всех вышеназванных критериев. В данной работе мы подробнее остановимся только на двух из них – образе автора и образе адресата, проследим, каким образом данные параметры влияют на реализацию жанра рассказа-воспоминания в речи наших информантов.

Как отмечает Т.А. Демешкина, **образ автора** в жанре рассказа-воспоминания может быть описан с точки зрения его непосредственного или опосредованного участия в событиях [3, с. 102]. Анализ собранного материала позволил нам различать два варианта соотношения категорий автора воспоминания и непосредственного рассказчика: 1) автор – говорящий и 2) автор – не говорящий. В первом случае рассказчик вспоминает те события, в которых он участвовал непосредственно, или же был их свидетелем. В качестве примера можем привести отрывок из рассказа-воспоминания жительницы села Веденка Дальнереченского района Клавдии Ивановны о работе местной машинно-тракторной станции: *Вот эта МТС/ значит/ туда пошли вот эти люди/ которые уже тут/ они обучились/ в бригаду эту тракторную/ создали свои бригады/ полевые бригады были/ вот// Я ещё помню/ в школу ходила/ семь классов тут я закончила/ мы ходили полоть/ уже в бригаду/ у нас было три бригады/ первая/ вторая и третья// О-от// И там мы.../ мы пшеницу пололи/ ещё помню/ я жала серпом хлеб//*. Апелляция к собственной памяти, являющаяся неотъемлемым показателем воспоминаний подобного типа, может быть выражена непосредственно (с помощью существительного *память*, глагола *помнить* в форме первого лица единственного числа и некоторых устойчивых словосочетаний с данными словами), а также посредством других выражений, подчеркивающих факт личного участия рассказчика в описываемых событиях. Например, еще одна жительница села Веденка Надежда Ивановна вспоминает о том, как в конце тридцатых годов был репрессирован ее отчим: *Вот/ пришли/ в часов десять вечера/ как/ я как вот сейчас вижу/ два солдата/ с ружьями/ забрали этого Ивана Игнатенко/ и всё//*. Выражение *я как сейчас вижу* акцентирует внимание слушающих на том, что рассказчица сама была очевидцем описываемых ею событий.

Второй из названных нами вариантов, при котором говорящий не является «первоисточником» воспоминаний, а лишь вспоминает, как кто-то другой рассказывал ему о тех или иных событиях, мы считаем возможным рассматривать в качестве отдельной вариации исследуемого нами жанра, условно называя ее «чужими воспоминаниями». «Маркерами» данной вариации также служат определенные формальные показатели. Для примера приведем

отрывок из рассказа жительницы поселка Реттиховка Черниговского района Анны Александровны, вспоминающей об одном из братьев своего дедушки: *А дед Василько/ он как раз подошел в каких-то юдах/ в четырнадцатых или в тех// Дэ вот.../ де-то война шла/ я жильно-то историю.../ я все токо по.../ по словам мамы/ бабушки/ там шо папа рассказывал/ и я токо вот это// <...> Ну деда заб.../ Васильку забрали// <...> Васильку забрали/ в армию/ и он служил//*. Рассказчица подчеркивает, что свидетельницей тех событий, о которых она вспоминает, была не она сама (в 1914 г. она еще не родилась), а ее родители и бабушка, и поэтому немного «отстраняется» от своих воспоминаний, словно снимая с себя ответственность за возможные неточности.

Апелляцию к чужим воспоминаниям мы можем наблюдать и в отрывке из воспоминаний Анны Александровны о ее бабушке: *Бабушка ўговорила шо «я была сама млачша/ и была дуже врэдна»// Така/ ўговорит/ врэдна/ шо як-то/ батько/ рано этот Хфёдор умер// Аґа// Шо/ ўговорит/ маме я досаждала вообще// Те все/ ўговорит/ разошлись ўсэ/ а я ж ўговорит маленька/ а мама уже пожилая// Во// Ну она рассказывала/ как она/ жила значить// Как она это/ замуж она вышла в шестнадцать лет/ тада рано выходили// Она ўговорила/ шо ей было двенадцать лет/ она уже ухажера мала//*

Стоит отметить, что в данном отрывке непосредственным показателем того, что авторство данного воспоминания принадлежит не самой рассказчице, являются выражения *бабушка говорила; она рассказывала*, в которых глагол используется в форме прошедшего времени. Употребление глагола *говорит* в форме настоящего времени (хотя бабушки Анны Александровны, безусловно, уже много лет нет в живых) представляет собой факт передачи прямой речи настоящего автора данного рассказа-воспоминания, что позволяет нашей рассказчице подчеркнуть его достоверность.

Анализируя функционирование речевых жанров в дискурсе диалектной языковой личности В.П. Вершининой, О.А. Казакова отмечает тот факт, что «при передаче чужой речи В.П. воспроизводит не только лексику, зачастую нетипичную для нее самой, но и структуру фразы, характерные интонации, подражает тембру голоса, типу речи, иногда даже особенностям жестов и позы говорящего» [1, с. 137]. Подобные явления мы можем обнаружить и в приведенном выше фрагменте рассказа-воспоминания Анны Александровны. Передавая слова бабушки, она сохраняет индивидуальность ее речи, меняет тембр своего голоса, активно используя при этом лексику украинского языка (*дў же, якто, батько, ўсэ, (и)мáла (имела)*). Более того, зачастую рассказчица настолько «вживается» в образ бабушки, что, даже не воспроизводя ее речь, а отвлекаясь на собственные рассуждения или пояснения, она продолжает говорить немного «не своим» голосом, употребляя в речи гораздо больше украинских слов, чем обычно. Например, рассказывая внучке, как поженили родителей ее бабушки – крепостных крестьян, Анна Александровна поясняет: *А они/ вот этих крепостных женили// Женили/ ну этой вот/ у каво Фёдор/ ей выгодно было/ она зебэрэ́ть цю диўку/ а диўка нарожае/ это же ей люды будут/ собственные//*

Однако и при передаче чужих воспоминаний проявляется позиция рассказчика, хотя он и стремится представить непосредственного автора этих воспоминаний. Например, Анна Александровна вспоминает рассказы бабушки о ее переселении с семьей из Украины на Дальний Восток: *И вот тут/ значить/ они начали корчевать// Вот это де/ (спрашивает у*

внучки) ты была када-нибудь вот в этой воинской части вот? Ни разу/ да? Там/ нарно/ вообще уектар двадцать территория вся туда вниз/ я ишо там када-то работала нормировщиком на территории/ улянула/ Боже мой/ как же мой дедушка Иунат это всё.../ столетние/ двестиленные дубы/ всё это он корчевал// <...> Ну и/ де-то к сорока юдам/ дед Иунат/ мой дедушка/ надорвался и умер/ бабушка осталась вдовой//.

Подобное стремление к отступлению от чужих воспоминаний и обращение (пусть на короткое время) к своим собственным в исследуемых нами текстах обнаруживается регулярно. По этой причине мы считаем возможным говорить, используя терминологию В.Е. Гольдина, о «текстовой эгоцентричности» [4, с. 5] речевого жанра воспоминания в целом и чужих воспоминаний как одного из его подвидов, в частности.

Анализируя собранный материал, мы пришли к выводу, что для речевого жанра воспоминания наряду с выделением таких жанрообразующих признаков, как автор и адресат, релевантным оказывается и выделение такого параметра, как **объект воспоминания**. Если в чужих воспоминаниях объект повествования ясен – это люди, которых рассказчик или вовсе не знал лично, или знал, но в силу возраста не был свидетелем тех или иных событий в их жизни (бабушки и дедушки, другие старшие родственники, старшее поколение односельчан), то в ситуации, когда автором является сам говорящий, возможны два типа объектов рассказа-воспоминания: 1) сам говорящий и 2) люди, которых говорящий хорошо знал и был свидетелем их жизни. В ситуации, когда рассказчик вспоминает события собственной жизни, реализуется еще один подтип жанра воспоминания – «автобиографический рассказ» (данный термин использован в ряде работ для обозначения «комплексного информативного речевого жанра, содержащего описание жизни говорящего с рождения и до момента общения» [5, с.12]). Как мы уже отмечали выше, подобные автобиографические фрагменты могут возникать и в процессе воспроизведения чужих воспоминаний в силу эгоцентричности исследуемого жанра. Более того, анализ собранного материала показал, что, как правило, данный подтип представляет собой не подробное и последовательное описание всей жизни рассказчика, а только воспоминание об определенных ее моментах, когда рассказчик описывает события из детства, работу, семейные истории и т.п. Так, например, жительница села Веденка Надежда Ивановна, рассказывая гостям о своей маме (о том, где и кем она работала перед войной), вспоминает и о своей жизни в этот период: *Ну вот/ значить/ война коуда уже была/ я лето была у тётток ў Китай-юроде/ а зиму здесь была/ ну и так вот/ а трудно ж было/ и хлеба не хватало и всево не хватало/ и нечево было есть нечево было/ вот/ так я значить/ один юд работала/ был от такой магазин который обслуживал милиционеров// <...> Потом значить/ и ещё одну зиму так было/ значить я уже два юда пропустила// Сюда я приехала в сорок пятом юду уже в шестой класс//.* Далее рассказчица вновь возвращается к воспоминаниям о маме, ее работе, болезни и новом замужестве.

Подобные ситуации, когда говорящий вспоминает не собственную жизнь, а жизнь хорошо знакомых ему людей, в исследуемом материале обнаруживались нами регулярно, вследствие чего мы пришли к выводу о необходимости выделения третьего подтипа жанра воспоминания – «воспоминания о других». Объектами таких рассказов-воспоминаний чаще всего являются близкие родственники информанта: родители, братья и сестры, а также дру-

зья или односельчане. Так, Анна Александровна, рассказывая о войне, вспоминает одну из своих сестер, погибшую в 1943 г.: *У каждого/ в войну/ особенно у детей/ бедные от те/ еще малолетние/ а уже как складывалась ихня судьба// Теть Нины было/ пятнадцать лет/ от она в двадцать шестом году родилась/ в июне/ аа/ в сорок первом началась война/ ее сразу// <...> Нину/ пятнадцатилетнюю взяли в железнодорожное училище// <...> По-моему год Нина училась// И сразу ее в Сибирцево поставили кочегаром// <...> Вот она работала//.*

Тематическое наполнение данного подтипа почти полностью совпадает с тематикой автобиографического рассказа: говорящий может вспоминать события из детства героев своего повествования, описывать их личную жизнь в определенный период. Разграничивая рассказ-воспоминание о жизни самого информанта и его рассказы о других, О.А. Казакова подчеркивает, что два этих типа должны различаться степенью эмоциональности: «в воспоминании автор рассказывает о том, что было с ним самим, он вновь переживает описываемые события, а в рассказе о человеке прослеживается большая или меньшая степень отстраненности, так как речь идет о другом человеке» [1, с. 134]. На наш взгляд, данное утверждение нуждается в некотором уточнении: если в рассказе-воспоминании о неблизком человеке говорящий действительно не будет слишком эмоционален, то вспоминая жизнь (и уж тем более смерть) близких ему людей, рассказчик может быть даже более взволнован, чем в процессе рассказа о своей собственной жизни. Примером этого может служить все тот же рассказ Анны Александровны о погибшей сестре: начатый произнесенными с горечью словами (*бедные от те/ еще малолетние (дети)/ а уже как складывалась ихня судьба*), он заканчивается с такой же печалью в голосе рассказчицы: *И семнадцатую марта ее/ она сменилась/ она три поездки сделала// <...> Ну некому работать было! И решила/ поехать к папе на Хасан покушать// А папа работал кочегаром/ в столовой в солдатской// Ну а кочегару все равно шо-то подадут каково-то супу/ и он бы покормил Нину// И она шла в Сибирцево/ и как раз там мост недалеко от вокзала/ по мосту/ по главной линии/ воот/ и ее наунал поезд и/ убило//.*

Помимо трех описанных разновидностей жанра воспоминания (автобиографический рассказ, воспоминания о других, чужие воспоминания), особым подтипом данного жанра, на наш взгляд, можно считать такую его вариацию, как коллективные воспоминания. Наличие не одного, а сразу двух или даже более рассказчиков определяет структурные особенности текстов таких воспоминаний, когда один из говорящих может «подхватывать» и продолжать мысль другого. Кроме того, в подавляющем большинстве подобных текстов рассказчики вспоминают о каких-либо общих эпизодах из собственной жизни, то есть сами являются и авторами, и объектами своего повествования. Ярким примером коллективного воспоминания может служить рассказ двух сестер – Наталии Ивановны и Надежды Ивановны, жительниц поселка Кировский Кировского района, о своем детстве:

Надежда Ивановна. (Рассказывала о том, как в поисках конфет они с сестрой повредили кладку печи) *Такой испух был! Шо нам делать! Прилепили/ а оно ж...!*

Наталия Ивановна. *Это ж по-другому/ ясно//.*

Тот факт, что воспоминание является общим для рассказчиц, подчеркивается особенностью структуры данного текста: две реплики, произнесенные сестрами, по смыслу оказываются одной («прилепили на место, но вышло по-другому»). Более того, даже в ситуации, когда одна из рассказчиц не участвовала лично в описываемых событиях (*Я токо/ Надя/ за-*

помнила/ когда я нашла/ но я сама тогда искала/ ты не́ была), она все равно легко понимает, о чем говорит ее сестра, и также с легкостью подхватывает и продолжает эти воспоминания:

Наталья Ивановна. Я токо/ Надя/ запомнила/ када я нашла/ но я сама тауда искала/ ты не́ была/ не знаю/ где ты была́/ у-у.../ этой самой/ то что у нас было/ этот самый.../

Надежда Ивановна. Кладовка? Пидда́шек/ или как?

Наталья Ивановна. Не-не/ вот то где/ сарай был/ и там это/ как/ это.../ Пчельник пчельник! Дедушка там пчёл держал//

Надежда Ивановна. Ну//

Таким образом, обязательным условием для реализации подтипа «коллективные воспоминания» оказывается даже не непосредственное участие обоих рассказчиков в описываемых событиях, а общность их апперцепционной базы, когда каждый из участников повествования хорошо понимает, о чем идет речь. В противном случае, если описываемые события будут недостаточно известны одному из рассказчиков, он станет обыкновенным слушателем, а значит, воспоминание перестанет быть коллективным.

Еще одним значимым жанрообразующим параметром является **образ адресата**. Как отмечает Л.Г. Гынгазова, первым условием для осуществления жанра воспоминания является достаточная степень близости коммуникантов, так как «автор не станет вспоминать о событиях личной жизни в разговоре с малознакомыми людьми» [6, с. 170]. На наш взгляд, гораздо более важной для успешной реализации исследуемого жанра оказывается не степень близости информанта со слушателем, а умение последнего расположить рассказчика к себе, настроить его на доверительное общение. Это подтверждает и имеющийся в нашем распоряжении материал: некоторые из наших информантов делятся своими воспоминаниями не с родственниками или друзьями, а с собирателями, с которыми их только что познакомили.

Мелания Даниловна, жительница села Виноградовка Анучинского района, делится воспоминаниями о своей жизни с гостьей, собирателем-филологом:

М.Д. Вроде недавно/ вспоминаешь/ очень тяжелое время было/ очень/ щас вот подумаешь/ как тяжело жили/ Боже мой! Но не считали/ што это тяжело// Никто не обижался/ никто не жаловался// Считали/ што это в порядке вещей/ то война/ то после войны не лучше было/ чем в войну// Ой/ так// А теперь старость уже//

– Когда и были самые хорошие времена/ да? Молодость?

М.Д. Да// Да// Самые лучшие времена были/ была юность/ была мо.../ молодость/ да я/ мне кажется/ што ее у меня и не было/ молодости той//

Подводя итог, можем сказать, что в зависимости от таких параметров, как автор и объект воспоминания, исследуемый нами речевой жанр может реализоваться в следующих вариациях:

- чужие воспоминания;
- воспоминания о других;
- автобиографический рассказ.

Схематично эту зависимость можно представить следующим образом:

Особым подтипом исследуемого жанра считаем коллективные воспоминания, в процессе которых два (или более) рассказчика вспоминают общие эпизоды своей жизни. В силу того, что в качестве рассказчика выступает не один, а сразу несколько человек, данный подтип отличается от трех других и особой структурой.

В свою очередь, при анализе образа адресата как не менее важного жанрообразующего параметра наиболее значимой нам представляется не степень близости рассказчика и слушателя, а способность последнего расположить говорящего к доверительному общению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. 200 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88-99.
3. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
4. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. 2009. № 9. С. 3-7.
5. Волошина С.В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Том. гос. ун-та. 2008. № 308. С. 11-14.
6. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1-3 декабря 1997 года). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167-174.

УДК 81'27(571.6)

Т.И. Петрова

ДИАЛОГ В ТАЙГЕ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

В статье анализируется фрагмент языкового существования дальневосточников: материалом для наблюдения послужила запись живой речи в ситуации «Сбор грибов в тайге». Рассматриваются особенности данного дискурса, обусловленные такими признаками,